

Иван Мажсаев

Чехов в комод

На Садово-Кудринской, недалеко от Патриарших прудов, в одном из типично московских дворики стоит, как будто приклеившись к соседнему дому, двухэтажный кирпичный домик. Не заметить его трудно – он сразу бросается в глаза прохожему, притягивает внимание. Если, подчинившись этому интересу, прохожий подойдет к особнячку поближе, узнает, что здесь когда-то жил Антон Павлович Чехов.

С легкой руки Антона Павловича этот дом получил даже «имя собственное» «дом-комод»: «Живу в Кудрине, против 4-й гимназии, в доме Корнеева, похожем на комод. Цвет дома либеральный, т.е. красный», – писал Чехов. С 1954 г. каждый имеет возможность прийти в «дом-комод» в гости к Антону Павловичу Чехову: здесь открыт дом-музей писателя. За то, что этот музей появился в Москве, мы должны быть благодарны в первую очередь Марии Павловне Чеховой (сестре писателя) и Ольге Леонардовне

Книппер-Чеховой (жене писателя), которые, начиная с 1904 г., настойчиво продвигали мысль о необходимости его создания, бережно сохраняли личные вещи писателя, составившие основу экспозиции. И их настойчивость была вознаграждена через 40 (!) лет: в 1944 г. вышло правительственное постановление, за подписью Сталина, в котором содержался пункт о необходимости создания Московского музея Антона Чехова. Но... в доме-комод размещалась охрана особняка Лаврентия Берии, проживавшего по соседству, и должно было пройти еще 10 лет, прежде чем музей был открыт. На этом его история не заканчивается. Экспозиция музея дополнялась, изменялась, развивалась, по словам Галины Федоровны Щёболевой, возглавлявшей музей более 30 лет, «в сторону правды жизни, верности эпохе и точного современного прочтения чеховских произведений».

Семья Чеховых прожила в этом доме недолго – с августа 1886 по 1890 г. Антон Павлович арендовал помещение у своего коллеги – врача Я.А. Корнеева, с которым у него, видимо, установились вполне дружеские отношения, о чем свидетельствует надпись на подаренном Я.А. Корнееву сборнике «В сумерках»: «Земляку,

домохозяину, *collegae majori* коллежскому советнику и ценителю Якову Алексеичу Корнееву в знак глубокого уважения и в умилоствление домовладельческого гнева от неисправного плательщика, *collegae minoris* и автора. А. Чехов. 1887 г., 9 сент.».

В экспозиции музея можно увидеть письмо Марии Павловны Чеховой к директору Государственного литературного музея профессору И.Г. Клубуновскому, в котором она выражает радость, что именно в доме-комоде «поселится» музей Чехова: «Молодая, веселая, здоровая, трудовая жизнь кипела тогда в этом доме». Об этой атмосфере жизни семьи Чеховых вспоминает и младший брат писателя Михаил в своей книге «Вокруг Чехова»: «У нас вечно толклись молодые люди, наверху играли на пианино, пели, вели шуточные разговоры, а внизу он сидел у своего стола и писал. Но эти звуки только подбадривали его. Он не мог жить без них: он всегда принимал самое живое участие в общем веселом настроении». Присутствие знаменитостей того времени в доме на Садово-Кудринской было далеко не редким явлением: «О визитах к нам Григоровича и Чайковского я уже говорил. Я помню, как нас дарил своей дружбой превосходный артист московского Малого театра А.П. Ленский. <...> Посетил нас на Кудринской-Садовой и артист В.Н. Давыдов – светило коршевской и александрийской сцены. <...> Приехал к нам туда в первый раз и издатель “Осколков” Н.А. Лейкин. <...> Не помню, кто именно, но, кажется, тот же Лейкин привел к нам писателя Н.С. Лескова».

Воссоздать атмосферу этой «молодой, веселой, здоровой, трудовой жизни» в по музейному тихих, небольших комнатках помогают фотографии, письма, прижизненные издания. Письма, пожалуй, интереснее всего. По-настоящему «докторский» подтекст, причудливые изображения зверей, как будто отсылающие к полотнам Иеронима Босха, как в письме Ф.О. Шехтелю (11 апр. 1887 г.).

Кабинет Чехова. Сумрачная комната. Фотографии на стенах, на столе, и всё зна-

комые фамилии: Левитан, Григорович, Чайковский. На столе часы, кожаный бювар, подсвечник. Небольшой диван. Литератор И.Л. Леонтьев-Щеглов писал: «Я сижу на диване в кабинете Чехова, а неподалеку от меня, согнувшись над письменным столом, сидит сам Чехов и при свете лампы что-то дописывает. Сверху, со второго этажа, доносятся нежные “меланхолические” звуки шопеновского ноктюрна». Здесь – в кабинете – возникает ощущение, что время как будто остановилось: сейчас зайдет сам Чехов, сядет, согнется над письменным столом и начнет писать, а со второго этажа послышится шопеновский ноктюрн.

В такие моменты забываешь, что за окнами совсем другая жизнь.

Удивительно, но в этом небольшом музее, разместившемся в доме-комоде, хранящем, казалось бы, самые обыкновенные вещи, вся ценность которых только в том, что они имеют отношение к Антону Павловичу Чехову, ты в полной мере ощущаешь масштаб личности Чехова – не только как писателя, но и как человека. Из этих стен Чехов отправился в поездку на Сахалин, где он прожил около трех

месяцев и первым «из частных лиц сделал там всеобщую перепись населения, разговаривал с каждым из 10 тысяч каторжных». В экспозиции музея мы можем прочитать в письме Чехова А.С. Суворину: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно».

Любой желающий сегодня может посетить дом-музей Чехова, как и любой другой дом-музей, которых в Москве чрезвычайно много. Они разбрелись по тихим московским улочкам и переулкам и как будто окликают прохожих на крупных проспектах: «Загляни к нам!» А мы проходим мимо...